

Патricia
ЯЭТ

ИЗМЕНА

СПРЯЧУ СЛЕЗЫ ОТ
ПОСТОРОННИХ

Татьяна Тэя

**Измена. Спрячу
слёзы от посторонних**

«Автор»

2026

Тэя Т.

Измена. Спрячу слёзы от посторонних / Т. Тэя — «Автор», 2026

Я практически спотыкаюсь, перешагивая порог ресторана. Не знаю, каким образом, но первое, что я вижу – мой муж и она. Какая-то знойная брюнетка. Миниатюрная и грудастая. Положила своё декольте прямо на белоснежную скатерть обеденного стола и, прикрываясь бокалом с вином, гортанно смеётся. Смех тонет в общем гуле ресторана, но я как будто слышу её низкое «аха-ха-ха, Илья, какой ты остроумный». А муж мой, Илья Кириллович Дуров, тридцати восьми лет отроду, по его же собственной легенде уехавший в Тверь к маме на два дня, сидит и нежно гладит наманикюренные пальчики брюнетки, нетерпеливо постукивающие по столу. Оторопев, я так и стою, будто приросшая к полу, не зная, что мне сейчас делать. То ли развернуться и уйти, то ли походкой королевы подойти к этим двоим и разбить бутылочку игристого об их чумные головы.

© Тэя Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Измена. Спрячу слёзы от посторонних

Глава 1

Я практически спотыкаюсь, перешагивая порог ресторана. Не знаю, каким образом, но первое, что я вижу – мой муж и... она.

Какая-то знойная брюнетка. Миниатюрная и грудастая. Положила своё декольте прямо на белоснежную скатерть обеденного стола и, прикрываясь бокалом с вином, гортанно смеётся.

Смех тонет в общем гуле ресторана, но я как будто слышу её низкое «аха-ха-ха, Илья, какой ты остроумный».

А муж мой, Илья Кириллович Дуров, тридцати восьми лет отроду, по его же собственной легенде уехавший в Тверь к маме на два дня, сидит и нежно гладит наманикюренные пальчики брюнетки, нетерпеливо постукивающие по столу.

Оторопев, я так и стою, будто приросшая к полу, не зная, что мне сейчас делать.

То ли развернуться и уйти, то ли походкой королевы подойти к этим двоим и разбить бутылочку игристого об их чумные головы.

Я уже собираюсь выбрать первый вариант, как кто-то трогает меня за локоть, проходя мимо.

- Октябрина, прошу прощения, - плывёт над головой.

Словно заторможенная, я оборачиваюсь, но не сразу.

- А?.. – тяну растерянно, не понимая, то ли меня реально звали, то ли привиделось.

- Проходите, - обращается ко мне любезная хостесс. – Я провожу вас за свободный столик.

Неужели это была она? Тогда... почему по имени? Откуда она знает, как меня зовут. Раньше мы с Ильей частенько сюда ходили, но персонал общепита, даже очень дорогого общепита – это то, что течёт и меняется со скоростью ветра.

- Можно мне вот в той части зала? - указываю на столики, за которыми меня точно не будет видно этой вкрующейся парочке.

- Да, конечно, следуйте за мной.

И пока я следую, поворачиваю голову в сторону Ильи и этой стервы.

А то, что она стерва – это никаких сомнений, у неё на лице всё написано.

Тюнингованная, молодая, наглая. С запросами, как у голливудской звезды. Я рядом с такими не теряюсь, мы просто не пересекаемся, потому что с разных планет.

И до сегодняшнего дня я бы в жизни не подумала, что моему мужу нравятся такие вот женщины с лёгким налётом эскорта.

- Сюда, пожалуйста. Этот столик подойдёт? – подводит меня к удачно расплужённому за полупрозрачной ширмой месту. Тут ещё и вазон есть, за которым можно спрятаться.

- Да, вполне.

- Может, чего-нибудь сразу хотите?

- Воды.

- С газом, без газа?

- Любой, - отмахиваюсь, наблюдая, как Илья наклоняется и кусает брюнетку в полуголое плечико.

Хостесс подвисает, не понимая, что именно мне нести.

- Кофе давайте, простой с молоком и воду без газа, - делаю заказ просто, чтобы он был, а у самой внутри всё дрожит.

Аппетит, естественно, отбило.

Покусывание превращается в попытку сожрать. Есть стойкое ощущение, что Илья зава-лит свою пассивность прямо здесь. На стол. Потому что их лобызания начинают переходить за грань приличия.

Мне бы подойти к ним, да выплеснуть горячий кофе, которые принесут, в лицо обоим, но я сдержусь.

Хотя очень хочется выкинуть какую-нибудь дурасть!

Сегодня был безумно долгий день на работе. Илья уехал, а обязанности его по обыкно-венно легли на меня. У нас бухгалтерская фирма – довольно большая, мы оба учредители. Бизнесу уже восемь лет. За это время мы выросли от маленькой конторки до солидной орга-низации, от пары кабинетов в конце коридора, до трёх этажей в бизнес-центре А класса. У нас много работников, много задач, много фирм на обслуживании, легче не становится, но мы справляемся, потому что рост – это всегда через боль.

И измена – через боль.

А то, что это именно измена, у меня сомнений нет.

Потому что, блин, эта девица с грудью четвёртого размера совсем не похожа на мою любимую свекровь, к которой Илья отправился.

Прикрыв глаза, опускаю голову, утыкаясь лбом в сложенные лодочкой руки. Перед гла-зами летают мушки и в ушах немного звенит. Надеюсь, это не обморок. Я в него ни разу не падала, так что даже не представляю, как он обычно начинается.

Обиднее всего, что Дуров привёл эту стерву в наш любимый ресторан. В «Ля Жардине» для нас прошло много приятных минут. Мы тут праздновали личные успехи и прорывы по бизнесу, когда-то это место не совсем было для нас по карману, но мы шиковали.

Сейчас нужды в деньгах нет.

Но и времени нет выбираться куда-либо часто.

Я сегодня сюда вообще не собиралась. Просто проезжала мимо, усталая и голодная, и решила, что нет сил у меня у плиты стоять. Ну вот никаких нет сил на ужин. На него, если честно, уже давно нет сил. Готовлю я только по выходным, а на неделе приходит Нина, аж два раза, но сейчас она приболела, и у нас вместо домашней еды, заказная. Так что я подумала, остановлюсь и зайду, а тут Дуров, лобзает конечности какой-то незнакомой брюнетки.

И где он только её подцепил?

А давно ли это продолжается?

А первая ли это его любовница?

Вместо того чтобы быть с матерью, как обещал, он сидит здесь, в дорогом ресторане, с другой женщиной. Сердце замирает от злости и предательства. Я не могу отвести от них двоих глаз.

Она снова смеется, наклоняется к нему, а он отвечает ей похотливой улыбкой и заглядыв-вает прямо в вырез платья. Хотя по мне, там особо и фантазию включать не надо. И так ясно, что под ним.

Эх, Дуров... Дуров... как же низко ты пал!

Внутри меня нарастает волна разочарования и ярости.

У меня в некоторые дни нет сил почистить зубы перед сном, так уматываюсь, что стоя, прижавшись к раковине, а Илья, видимо, совсем не скучает.

Внутри всё переворачивается, пока наблюдаю, как они милуются, мир становится то красным, то зелёным. Меня то тошнит, то я прихожу в ярость. Противоречиво.

Я не могу поверить, что он так беспечно, практически у меня под носом, проводит время, не таясь, с другой, в то время как я жду его возвращения.

Хорошо устроился, красавчик.

Глубокий вдох не помогает собраться с мыслями. В душе настоящий микс из чувств: гнев, обида, полное недоумение.

На автомате я беру телефон и делаю несколько снимков парочки на всякий случай, затем набираю Илью.

Интересно, он снимет трубку или нет?

Я вижу, как он лезет в карман за сотовым, как его достаёт, как хмурится, видя, кто ему звонит, а потом, не стесняясь своей спутницы, снимает звонок.

Я прячусь за вазон на всякий случай, украдкой поглядывая на Илью. Он абсолютно спокоен. Значит, не привыкать получать от меня звонки в неловкие моменты?

- Да, Рина? – раздаётся ровный голос в трубке. – Что-то случилось?

Одно дело – знать, что тебе врут, другое – видеть, как профессионально он это делает.

Глава 2

Сначала думаю нанести какой-нибудь рабочей пурги, сказать, что у нас проблемы, мол, срочно возвращайся, налоговая надела или ОБЭП захватил офис, но потом думаю: а зачем? Смысл то какой?

Даже если он примчится, я, вероятно, сразу плюну в его наглую рожу, а так у меня будет время подготовиться и поговорить с ним с холодной головой.

Потому что у меня нет больше иллюзий насчёт Ильи. Я знаю, какой он в бизнесе. Довольно жёсткий руководитель, даже со мной он не миндальничает, поэтому могу представить, что он мне устроит, если я вывалю перед ним информацию, что знаю о его похождениях.

К тому же в наших отношениях есть один нюанс...

И если раньше он меня не беспокоил, то сейчас... Сейчас я начинаю волноваться, что это может выйти мне боком!

- Рин? – напоминает мне Илья, что всё ещё ждёт ответа, а я задумалась и подзависла.

- Да нет, просто звоню поболтать. Как мама? Ты как? – делаю голос прохладным и ничего не выражающим.

- Мама... хорошо, - с небольшой запинкой говорит. – Я тоже нормально. Рин... По правде говоря, мне не особо удобно разговаривать. Хотим с мамой прогуляться. Вот-вот уже выходим. Ты же знаешь, я напрягать не люблю. Она должна отдыхать, а не у плиты вертеться. Свою её в красивое место, там поужинаем. Давай завтра поболтаем? Позвони мне... в обед? Или с утра? Ну, как удобно будет.

С каким-то удовлетворением я думаю, что наберу его завтра в шесть утра и спрошу, как ночка прошла, удалось ли кончить то, что начал.

- Ладно, привет маме. До связи, - кисло отвечаю в трубку и даю отбой.

А потом, следуя каким-то внутренним порывам, набираю номер Ирины Леонидовны, мамы Ильи, и стараюсь, чтобы мой голос звучал спокойно, несмотря на бурю эмоций в душе.

- Здравствуйте, Ирина Леонидовна! – быстро здороваюсь.

- Привет, Риночка, моя дорогая. Как дела?

Слышу, как в её голосе появляется приятная радость, что я ей позвонила. Мы частенько разговариваем, она милая женщина. В нашу жизнь не лезет, зато всегда готова поболтать про классные средства для волос или модные шмотки, которые увидела на распродаже.

Когда приезжает в Питер, мы с ходим по суши-барам, театрам и аутлетам. Если Ирину Леонидовну вовремя не остановить, этот шопоголик скупит всё, что плохо лежит. Но надо сказать, вкус у неё есть. Видимо, сейчас доигрывает, что в молодости не доиграла, когда денег не было. А благодаря сыну, у неё безлимитная карта на любые прихоти.

До этого дня я бы сказала про неё, что она – идеальная свекровь.

Мама Ильи почти всю жизнь проработала в детском саду, она одна вытаскивала сына в жизнь, и как только у Ильи попёрло, она ушла с работы и живёт теперь на те деньги, что выделяет ей сын, на довольно крупную сумму, так уж к слову.

Его право, что уж там говорить, я ведь тоже своим помогаю.

- Всё хорошо, Ирина Леонидовна, - покусываю губу, думаю, мне ей в лоб сказать, что у сына любовница, а он вами прикрывается, или нет?

Внутренний голос нашёптывает, что мне не стоит раскрывать всех карт сразу.

- Как вы поживаете? Как там Илья? Чем он занимается?

Мне кажется, или после моего вопроса реально повисает недолгая пауза.

- Да, всё нормально... – тянет Ирина Леонидовна, - а Илья... Ну, он, как всегда, занят.

Моё сердце сжимается. Всё становится слишком очевидно. Она его прикрывает. Она, видимо, не знает, от чего именно, но чувствует, что надо сыночку защитить.

Какие бы прекрасные отношения со свекровью не были, мать всегда останется на стороне сына, будь ты хоть золотая невестка!

- Занят? А чем именно?

Мне кажется, я буквально слышу, как Ирина Леонидовна ёрзает на стуле, как вскипает её мозг, пока она думает, чего ответить, чтобы не сказануть лишнего и не навредит Илье.

- Он... он вышел, сейчас не может говорить.

Внутри меня всё закипает.

Значит, нормальные отношения? Значит, доченька, я? А она вот... выгораживает обманщика!!!

- Вышел? А куда? Он с кем-то встречается? Вы в какой ресторан собираетесь на ужин идти? — настаиваю я, пытаюсь уловить хоть какую-то деталь, которая могла бы показать, что ей неприятно меня обманывать.

Но нет... ей всё равно, похоже.

- На ужин? — переспрашивает она, озадаченная.

- Да-да, Илья сказал, что вы на ужин собираетесь куда-то. А куда? Вы что, не в курсе, Ирина Леонидовна? – обвинительно произношу я.

- Ну... - тянет она, судорожно соображая, что же ответить. - Может, Илюша просто хочет сделать мне сюрприз? Он как-то вскользь упоминал про ужин.

- Хм... как интересно... Да, сюрпризы – это по его части. Он настоящий мастер сюрпризов, - шиплю я, поглядывая на Илью с брюнеткой.

Они чокаются бокалами и улыбаются друг другу так широко, что у меня аж скулы сводит, а во рту кисло, будто я кило незрелого крыжовника съела.

- А... да я не знаю, куда пойдём, он сам выберет, наверное. Сейчас он вернётся и, наверное, сам расскажет. А зачем тебе название?

Действительно зачем.

- Просто любопытно. Думала, может, посоветовать чего смогу. Мы, помните, в милое место такое ходили? «Соль-фасоль» называется. Хотела напомнить о нём Илье. Что туда можно вас отвести, - несу какой-то придуманный на ходу бред, не очень логичный, сбивчивый, но Ирина Леонидовна занята собственной ложью, чтобы распознать мою.

- Ой, да, доченька, помню. Я ему скажу, что можно и туда меня отвести.

Я закрываю глаза, пытаюсь сдержать горькое чувство тотального предательства, но оно уже ядовитой плесенью расплзается внутри меня.

- Хорошего вам ужина тогда.

- Спасибо, Риночка. Я передам сыну, чтобы тебе перезвонил.

- Да не надо, - отмахиваюсь. – Я ему сообщение напишу. Не буду вас отвлекать. Отдыхайте, - говорю убитым голосом.

Интересно, свекровь понимает, что я вру или слишком сосредоточена на собственной лжи и ничего не улавливает.

Как давно это длится?

Как давно мать Ильи его покрывает?

Всегда... - возникает в голове логичный ответ. – *Всегда она его покрывала, потому что сыночка, потому что любимый.*

Впрочем, это неважно.

Как давно. Не важно... А важно, что между нами всё закончилось. Любовь. Доверие. Семья и... бизнес, видимо, тоже.

Потому что я видеть его не смогу ни дома, ни на работе.

Илья мне противен.

Бросаю финальный взгляд на него и его любовницу, поджимаю губы и думаю, что пора мне уходить.

Пусть он в своей «Твери» ещё немного побудет. А я побуду одна со своими мыслями и решу, что мне дальше делать и как жить. Потому что вопросов очень много, а ответов так мало.

Порывшись в сумочке, выгребая наличку, кидаю бумажки на стол и, не дожидаясь официанта, ухожу. По стеночке... аккуратно... не привлекая внимания.

А выйдя из ресторана, буквально бегу к машине.

А сев в машину, бью по газам и лечу, куда глаза глядят.

А глаза, ничего не видят, потому что полны слёз и боли.

- Козёл, - размазываю без всяких сомнений потёкшую тушь по щекам. – Какой же ты козлинка, Ильющенька.

Перед глазами мелькают кадры, как он совокупляется с элитной брюнеткой, утопая лицом промеж её шикарных грудей. Воображение моё работает на сто процентов. Понимаю, что сама себя накручиваю ещё больше. Но это происходит против моей воли.

Горькая обида разъедает сердце!

Я так погрязла в работе, что у меня нет времени ни на что! Даже вздохнуть, порой, не получается. Особенно сейчас, когда фирма в фазе активного роста.

У меня только «ебитда» на уме, договора и тендеры, недостаток кадров. И пока я во всём этом варюсь, Илья удумал развлечься.

- Вот, значит, какие тебе девушки нравятся, милый! – тяну недовольно, стуча кулаком по рулю и нечаянно сигналию в никуда. - Что ж ты столько лет делал со мной?

Я среднего роста, тёмно-русая, с серыми глазами, ничего во мне выдающегося нет, это я о груди! Мне тридцать два, самое время в декрет. А мы ведь это обсуждали, но у Дурова шестнадцатилетний сын от первого брака, и он как-то сказал, что ему Владика достаточно. Но если мне надо... О! Мне надо!... То он, конечно, снова с радостью станет папой.

Мне надо, а ему, видимо, не надо!

Теперь я это чётко понимаю.

И я ему не нужна.

Вернее, нет, нужна, но как обслуживающий персонал и партнёр по фирме.

Но в открывшихся обстоятельствах это тоже под вопросом.

Я понимаю, что ему надо.

Весело скакать на грудастой брюнетке, прикрываясь командировками и заботой о мамуле, которая, в свою очередь, готова прикрыть его. Круговая порука, мать вашу!

Я гоню по улицам Питера, сама не зная куда. Это преимущество – иметь машину, можно сесть в неё и мчаться без цели, без конечной точки маршрута, главное держать в себя в руках, а руки на руле. Но это очень сложно.

Недалеко от дома я торможу. Буквально пары километров не дотягиваю.

Сажу, сжимая в руках руль, а сама представляю шею Ильи на его месте. И пальцы всё сильнее давят на пластик, который начинает «стонать» всё отчаяннее.

В глазах – горячие слёзы, губы – искусаны к чертям, голова гудит от мыслей и неопределённости.

Я лезу в сумочку за носовыми платочками, громко сморкаюсь и смотрю в зеркало заднего вида.

На меня смотрит собственное лицо – как там в песне поётся: вся в слезах и губной помаде. Ну почти...

Помаду я давно съела, искусывая губы от отчаяния, а в остальном... м-да... на енота не похожа, но видок так себе.

Мне жалко себя... за доверчивость, в первую очередь.

Я ведь даже мысли не допускала, что Илья может мне изменить. Мне казалось, у нас всё прекрасно, а оно вон как выходит.

Внутри меня бушует настоящий шторм, как бы не захлебнуться от обиды и горечи. Каждый удар сердца отзывается болью, словно кто-то сжимает мою грудь в тисках. Это нервы... нервы... потрясение от предательства Ильи и его матери. Иллюзий больше нет. Моя обида — это глубокая рана, которая долго не заживёт, я вообще сложно переживаю неудачи, а уж личные, тем более.

Мир вокруг меня словно останавливается, жизнь останавливается. Всё истоптано, оплётано, изничтожено: мои мечты, надежды, даже самые простые радости. Душа ноет, а животе холодная пустота на грани тошноты.

Открываю бардачок, достаю салфетки, начинаю тереть лицо, но только хуже выходит.

Что делать?

Как выйти из этой ситуации с наименьшими потерями?

Как сохранить всё, что мы с мужем строили столько лет?

Нет... не с мужем... - поправляю себя.

Есть небольшой, но очень важный нюанс. Мы с Ильёй не расписаны.

А это значит, что наше расставание может принести мне огромные проблемы. Бизнес-то зарегистрирован на него. При желании Дуров может оставить меня ни с чем, но я ещё с ним поборюсь, если надо, то и в суде.

Глава 3

Когда ты молода и наивна, совсем не думаешь о последствиях. Сначала мы съехались и просто жили, а Илья предложения не делал, я была молода и, боясь его потерять, терпела.

Но все девушки, даже если пытаются себя убедить, что в гражданском браке неплохо, мечтают о свадебных колоколах и походе в ЗАГС, белом платье, цветах, лимузине и грандиозном банкете, с тупыми шутками от тамады и глупыми конкурсами.

А если заявляют, что им это не надо, что это не главное. Врут!

Возможно, что и самой себе.

Несколько раз я заговаривала с Ильёй о свадьбе, а он отмахивался и отвечал:

- Рина, я ж тебя люблю, ну за кой чёрт тебе эта бумажка? Я уже один раз был женат и что? Это не гарант того, что брак будет длиться вечно. Мы всё равно с Танькой развелись, даже не смотря на наличие ребёнка. Владик теперь вон страдает, в неполной семье растёт, это ж для ребёнка бесследно не проходит. А свадьба... это лишние хлопоты, потом документы менять.

- А я, может, себе свою фамилию оставлю, - заявила я тогда гордо, - и ничего менять не придётся.

- Тем более, если свою оставишь... зачем нам всё это? Ты, что, сомневаешься в моей любви?

Нет, конечно, в любви его я не сомневалась.

До сегодняшнего дня так точно не сомневалась.

- Господи, больно-то как! – прижав скомканный бумажный платок к губам, реву. Нет. Вою!

Уже не сдерживаясь!

Мне надо это пережить, переболеть, отплакать его предательство.

Илья был моим единственным и самым любимым, но чего ему не хватало?

Чего?

Почему он на другую бабу-то полез?

Что не устраивало?

Я думала, мы с ним, как Акела и Ракша, бежим в одной стае, идём к одной цели. И в любви, и в бизнесе, по жизни вместе.

И в постели ведь было всё шикарно. Секс великолепный, на него сил у нас хватало, несмотря на безумную загрузку на работе. Едва он касался меня, я зажигалась.

Перед «поездкой в Тверь» тоже всё было.

А он, исполнив супружеские обязанности, поспешил удовлетворить свои собственные потребности в разнообразии на стороне?

Ну потому что у меня больше нет логического объяснения, зачем он это делает.

Почему мужчины изменяют? Почему делают это, когда дома всё есть?!

Когда мы только с Ильёй познакомились, я ничего не знала о физической стороне отношений. Он стал моим первым во всех смыслах. Научил, показал, открыл во мне женственность и страсть. И сейчас я фору дам любой грудастой сикарахе...

Но и этого тоже, видимо, недостаточно.

- Надо ехать домой, - бормочу своему отражению.

Хочется сказать: соберись тряпка и начни думать.

Но, можно, как говорится, я подумаю об этом завтра.

Сейчас я слишком устала, чтобы мыслить здраво и разумно.

Когда открываю дверь и вхожу в квартиру, она почему-то мне кажется чужой. Хотя мы прожили здесь последние четыре года. Когда по бизнесу попёрло, купили хорошее жильё и переехали. А теперь, кому надо будет отсюда съезжать? Мне или Ильё?

Ну кому-то точно придётся это сделать.

Внутри тихо, только звуки моего дыхания нарушают тишину. Сбрасываю обувь у порога, словно это переживания, которые я не хочу тащить с собой.

Полупустой желудок поджимается, когда захожу на кухню, ведь я так ничего и не поела. Но мысли о еде вызывают тошноту.

Открываю шкаф и достаю любимую кружку, завариваю чай. Этот привычный ритуал успокаивает. Вообще наши привычные действия – это как маленькие островки стабильности в бушующем океане жизни. Но даже сейчас в голове всплывают воспоминания о том, как Илья смеялся, обнимая брюнетку в ресторане. Я стараюсь прогнать эти мысли, тем более не думать, чем они сейчас занимаются? Куда поехали? К ней? На арендованную посуточную квартиру? В отель? Что делают?

Трахаются... - выдаёт со вкусом внутренний голос.

И снова эти картинки: как Илья врзается в тело пышногрудой брюнетки и стонет.

Словно назойливые мухи отвратительные фантазии кружат в моём сознании.

Скинув одежду и нацепив пижаму, ложусь в постель, укрываюсь одеялом. Комната погружена в полумрак, и я смотрю в потолок, пытаюсь собрать мысли. Что делать? Без сомнения, это развод. Но как развестись, если мы даже не расписаны? Просто собрать вещи и съехать? Это не так просто. У нас общий бизнес, общие друзья, общие воспоминания, как можно взять вот это всё и просто слить в унитаз?

Сам-то Илья об этом не задумывался, когда залезал на новую бабу.

А я не могу...

Думать об этом — все равно что пытаться вырвать сердце из груди. Я не знаю, как жить дальше. Пока что не знаю.

Жили мы всегда неплохо, Илья довольно много зарабатывал, когда мы познакомились. Как раз получил место финансового директора в Питерском филиале московской фирмы. Мне тоже удалось устроиться на хорошую должность. Но тогда ни о каком личном бизнесе мы не помышляли.

Идея пришла гораздо позднее. Мы оба впряглись в неё, стали партнёрами не только в любви, но и в работе. Всё было идеально. Тогда мне казалось, что это, скорее, плюс, чем минус. Есть же пары, которые занимаются одним делом и живут вместе до глубокой старости.

Вот... спортсмены. Например, фигуристы. И на льду танцуют, и по жизни. И всё у них шикарно.

А у нас с Ильёй, выходит, что убого.

Раздражённо вздохнув, я шарю рукой по тумбочке, беру пульт и врубаю телевизор. Щёлкаю кнопкой переключения, останавливаясь на бизнес-канале. Это один из тех, где без конца в бегущих строках котировки валют и драгметаллов, индексы Доу-Джонса и меняющиеся онлайн цены на акции.

Сейчас какое-то вечернее «шоу», где напротив ведущей за большим серебристым с красным столом сидит мужчина в деловом костюме и что-то рассказывает, небрежно откинувшись на спинку кресла.

Это Соколовский... - проносится у меня в голове, тело пронзает острый укол мгновенного узнавания и дрожь, которая за этим следует, совсем мне не нравится.

Покусывая губу, я сажусь на кровати, подтягивая колени к груди и обнимая их руками.

Пожалуй, он единственный, кто может мне помочь.

Если захочет... если захочет...

Но какую цену он запросит за свою помощь, мне даже страшно представить.

Глава 4

Я думаю, что смогу какое-то время продержаться и не вывалить на голову Илье свои претензии. Не брошу ему в лицо, что я всё знаю, что я его видела с любовницей, пока он якобы навещал маму в Твери.

И что мамочка его покрывает.

Я искренне в это верю.

Но когда на следующий день после обеда дверь моего кабинета распаивается и на пороге появляется Илья, я не удерживаюсь от едкого колкого замечания.

- Как-то быстро ты в Тверь съездил...

Уголок губ Ильи поднимается вверх, он кивает, но ничего не говорит. Стоит такой весь из себя довольный, холёный, подкаченный, высокий. Ему тридцать восемь, но выглядит он замечательно. Он за собой и за своим телом следит, одно время был помешан на здоровой пище, потом, вроде, успокоился, но всё, что позволяет себе лишнего, сгоняет в спортивном зале.

На него всегда засматривались женщины, только я не думала, что он засматривается на них в ответ.

Маша, моя помощница, поднимает голову от планшета, на который заносит задачи, чтобы их позже раскидать по отделам. Одним взглядом спрашивает: остаться ей или идти.

- Маш, иди, позже продолжим, - киваю ей.

- Да, Октябрина Валерьевна, во сколько зайти?

- Я наберу.

Когда Маша уходит, Илья аккуратно прикрывает за ней дверь и смотрит на меня внимательным взглядом.

Я все кожей этот взгляд ощущаю. И сейчас, когда флёр доверия слетел, вижу лёд и высокомерие в его взгляде.

Илья старше меня на шесть лет. Я не отхватила себе богатого мужика, чтобы висеть на его шее. Мы вместе поднимались. Я ему помогала, а он, как надеялась, ценил и благодарил за эту помощь. Но выходит... Выходит, что он, оторвавшись от реальности, не просто берега потерял, он возгордился, считая, что раз он теперь при деньгах, то ему всё позволено. Например, трахать каких-то левых баб на стороне.

- Привет, милая, я пораньше решил вернуться, - говорит с улыбкой, но мне она кажется весьма натянутой.

Илья подходит и целует меня в щёку. Я бы в другой день подскочила, обняла его за шею и ответила с энтузиазмом. А сегодня мне хочется потерять свою щёку, убрать след от его липких губ, которые целовали, а может и ещё чего похуже делали, этой ночью с телом другой женщины.

Верно же говорят, что пускать третьего в свою постель – негигиенично.

Но гигиена и безопасность здоровья – последнее, что беспокоит изменников.

- Мама говорила, ты мне звонила, Рин.

Ах... вот это, видимо, реальная причина, почему он примчался. Испугался, что всё раскроется.

- Да, звонила.

- Ты её лишний раз не беспокой, а то она волноваться начинает.

- О чём?

- О нас с тобой.

- А чего о нас волноваться? – пожимаю плечами, откидываясь на спинку кресла. – Или есть повод?

Наши взгляды скрещиваются. Он не знает, что я знаю, но чувствует мой подозрительный настрой.

- Никакого повода, Рина.

Бросив карандаш на стол перед собой, встаю, чуть нервно собираю бумаги на углу рабочего стола и пихаю в накопитель.

- Так и не надо было торопиться возвращаться. Позвонил бы сам. Чего сорвался?

- Дела. Совесть замучила, что всё опять скинул на твои хрупкие плечи.

Илья подходит со спины, обнимает меня, опуская ладони на эти самые плечи и начинает их легонько массировать.

Я вздрагиваю, пытаюсь отстраниться, но Дуров мне это сделать не даёт, наоборот, прижимает к своей груди и, наклонившись, целует в шею.

- Мои хрупкие плечи и не такое выдерживали, - говорю с некоторой дрожью в голосе.

- А вариант, что я просто соскучился по своей жене уже не рассматривается? – шепчет он, продолжая ласкать мочку, жарким шёпотом обдавая ухо.

Мне противно... честно... противно, как он слюнявит моё ухо.

И я думаю, сколько раз он вот так приходил от любовниц, обнимал и говорил приятные вещи, спал со мной, а я всё принимала за чистую монету. Как он надсмехался надо мной про себя! Наверное, думал, вот я всё здорово провернул и Рина ничего не заподозрила.

А я была слишком занята работой и домом, и доверяла ему безмерно, чтобы думать о самом плохом.

Да и не думаешь ты обычно о плохом, не ждёшь его.

Слова Ильи рожают во мне огромную волну возмущения. Оно и понятно: половину ночи я думала о своём положении в этих отношениях, а вторую половину – пыталась поспать.

- Ты забыл, что я тебе не жена. Так что...

Мне всё-таки удаётся отстраниться, и я отхожу в сторону, складывая руки на груди. Смотрю на изогнутые в недовольной гримасе губы Ильи.

- Почему не жена, очень даже жена. Мы живём вместе уже много лет.

- Вот именно. Много лет. А я всё ещё не пойми кто.

- Почему не пойми, сладкая моя? Ты моя любимая девочка. Мой партнёр по жизни. И вообще я тебе предложение делал, ты сама со свадьбой не торопишься.

- А давай поженимся, - бросаю я внезапно, самой любопытно, что он на это скажет. Как себя поведёт.

Лицо Дурова в прямом смысле слова вытягивается от моего феноменального предложения.

- Поженимся?

- Да... - развожу руками. – Надоело мне всю жизнь в любовницах ходить.

- Рина... ну... давай... следующим летом?

- А чего следующим? Давай этим.

- Ты не успеешь подготовиться...

- Так просто распишемся. Мне праздник не нужен.

Подхожу ближе, обнимаю Илью, а самой хочется отскочить подальше и помыться тщательнее.

- Главное ты, любимый. Рванём куда-нибудь на Мальдивы, а? Только ты и я. На неделю хотя бы.

- Оставить фирму без присмотра на неделю... - мотает он головой. – Так нельзя. Ты не думаешь о последствиях.

Зато ты о них думаешь, - размышляю про себя, - *таща в нашу постель левую бабу.*

Не знаю, до чего бы мы договорились, если б не зазвонил мой телефон.

- *Не дури,* - целует меня Илья в макушку и выпускает из своих объятий. – *Ты же у меня умница-благоразумница.*

Зато ты кобель, каких мало, - ругаюсь мысленно и иду ответить на звонок.

- Буду у себя, - бросает Илья, выходя за дверь.

А я, переговорим с бухгалтерией, падаю в кресло и, уронив лицо в ладони, сижу так несколько минут.

Что делать?

Мы партнёры с Ильёй, но моя доля тридцать процентов в фирме, а его семьдесят. Понятно, что он из управления меня не выпрет, но сама мысль, чтобы остаться и работать с ним бок о бок претит. Мне так противно, что аж тошнота берёт.

Ах... примчался... явился не запылится... мамочка подсказала, а он и побежал.

Ну ладно, зато кайф ему обломала. Не всё Ильюшке масленница.

Да как бы самой у разбитого корыта не остаться.

Я беру сотовый в руки, лезу в телефонную книгу, чтобы найти номер, который, кажется, оттуда удалила.

Потому что не вижу там имени Соколовского.

- Чёрт... это я зря, - бормочу в сторону.

Глава 5

Кажется, я сначала пихнула номер Соколовского в чёрный список, а потом уже снесла окончательно.

Я забиваю в поиске название компании Марка, быстро подгружается заглавная страница «Финанс-риал-групп», перехожу на вкладку управление и смотрю на фото Соколовского в деловом костюме в полный рост.

Он очень высокий, почти под два метра ростом. Статный, широкоплечий, с острым внимательным взглядом, в глубине которого плещется нечто загадочное и опасное.

Он, надо сказать, хорош собой, но также чертовски заносчив, как и хорош собой.

И опасен...

Потому что с этим мужчиной шутки плохи.

Он не врёт, не льстит, ничего не придумывает. Говорит в лицо. Прямо. Чего хочет и чего ждёт от тебя.

Откуда я это знаю?..

Да так... личный опыт...

Я изучаю лицо Марка, на сколько он изменился за то время, что я его знаю? Хотя знаю... сильное слово.

Мы иногда встречаемся на деловых мероприятиях и всё, что мы себе позволяем – это кивнуть друг другу.

Никаких бесед, никаких пересечений, холодная вежливость.

Которой я не заслужила.

А он вот да!

Но иногда жизнь переворачивает твои установки с ног на голову. Сейчас у меня патовая ситуация. Соколовский мне нужен.

Представляю, как он будет счастлив услышать эти слова от меня.

А я... а я произнесу их, потому что другого пути нет.

Главное, чтоб он не слишком долго топтался на остатках моей гордости, я всё-таки человек!

На сайте, что ожидаемо, никаких личных номеров нет.

Дозваниваться через секретаря кажется мне не то что унижительным, а невозможным. Хороший секретарь – надёжный фильтр. Она не допустит никого к шефу без веской причины.

Да и потом не уверена я, что даже если сказать, что звонит Октябрина Гладкова, он меня не пошлёт.

Лучше уж сразу с ним поговорить, без лишних порогов. А ещё лучше – встретиться.

И?

И что я ему скажу? Обрисую ситуацию, а он ответит, что я сама дура, раз до такого довела.

Нет, я предложу ему свои тридцать процентов в обмен на крупную сумму. Он же захочет их приобрести? Захочет.

И потопить Илью?

Захочет...

Я на мгновение накрываю лоб ладонью. Интересно, если я это визуализирую нашу сделку, это делу поможет?

И ещё надо понять, чем мне потом заняться?

А я что-нибудь своё открою.

Своё личное... пусть и не такое большое, но надёжное.

Это пока единственный вариант, который приходит мне в голову.

Что ещё делать, я не знаю.

Нажимаю кнопку вызова на телефоне, набираю Машу, чтобы позвать её к себе и продолжить с того места, на котором остановились.

Пока жду навожу порядок на рабочем столе. У меня, в принципе всегда чисто, но это я себя приучила. Дай мне волю, я хаос тут наведу. Как и в своей жизни.

- Ой, Октябрина Валерьевна, там Дуров совещание созывает внеплановое. Вы почти проверяли? – заглянув в кабинет, сообщает Маша.

- Нет. А по какому поводу?

Маша пожимает плечами.

- Просто внеплановое. Там темы нет.

- Ну хорошо, давай мы сейчас с тобой наши дела, сколько успеем обсудим, а потом пойдём в конференц-зал и послушаем, чего хорошего нам расскажут.

Чуть позже сижу в конференц-зале со всеми и чувствую раздражение. Потому что Илья не поставил меня в известность о теме мероприятия. Кто-то спрашивает, а что будет-то, а я сижу, как идиотка, и ничего существенного сказать не могу.

Приходится уткнуться в стакан с водой и в телефон, делая вид, что очень занята и поговорить некогда.

Илья стоит у стола, уверенно смотрит на своих замов и наших руководителей отделов, он весь в нетерпении. Раздулся от важности, будто павлин, наверное, бомбу какую-то для всех готовит. Сейчас сбросит на головы, и она рванёт. Главное, чтоб никого не контузило.

Дуров всегда был амбициозным, и с годами его уверенность размыла границы с самоуверенностью. Уже одно от другого и не отличишь.

- У нас новый крупный заказчик, - наконец, начинает он, когда все в сборе. Прямо без лишних слов вываливает всем на голову эту информацию. – «Борисов групп», - подчёркивает с удовлетворением.

Слышу, как комната наполняется шепотом. Сотрудники переглядываются, конечно, фирма на слуху. Наш отдел продаж уже несколько раз пытался «зайти» в неё, но без феерических результатов. В контракте или хотя бы в рамочном договоре нам было отказано. Так ничего мы с ними и не подписали. И тут вдруг Илья вываливает на нас, что теперь это наш основной заказчик.

- Все остальные дела отложить. Нам нужно сосредоточиться на обслуживании нового клиента.

Я не могу с этим согласиться, и, видимо, это несогласие написано на моём лице.

- Рина, не сейчас, - обрывает меня Илья.

Затыкать себя, когда дело касается бизнеса, я, конечно, не позволю.

- Илья, это недальновидно, - рискуя вызвать недовольство, твёрдо произношу я. - По-твоему, мы сейчас всех должны послать, наплевав на обязательства перед клиентами? Мы репутацию нарабатывали годами не для того, чтоб потерять её за один день!

- Там крупный контракт! Очень крупный, Октябрина Валерьевна, вам такие цифры и не снились.

- Ну снились или не снились, это мы ещё разберёмся. Но вы сами, Илья Кириллович знаете, что надо косить с нескольких полей, а не с одной. Если они уйдут, мы останемся ни с чем. Сколько таких фирм разорилось, которые держались на обслуживании лишь одного клиента! — пытаюсь донести до него, но он лишь качает головой.

- Они не уйдут. Это точно, - в его голосе слышится недовольство.

Илья продолжает, объясняя стратегию, как мы будем работать с «Борисов групп».

А я думаю, что не из-за меня он прискакал «из командировки пораньше», а потому что порешал всё с руководством «Борисов групп» и ему не терпелось созвать всех и похвастаться, какой он молодец.

Кстати, а как он это порешал? Почему это наш отдел не смог, а Дуров смог?

Загадка века...

Но и она раскрывается, когда следующим вечером мы оказываемся на деловом мероприятии, и я вижу там...

Глава 6

Накануне мы приехали домой, и вечер превратился в бесконечный спор. Начали мы ещё на работе. Я понимаю радость Ильи, что нам удалось заполучить такого крупного клиента, но не понимаю его решимость избавляться от мелких компаний на обслуживании. Ему ли не знать, что любой щенок, фигурально выражаясь, может превратиться в волкодава.

Мы сами прошли этот путь. Пусть и долгий, но вполне себе успешный. А он предлагает всем нашим «малышам», которых мы успешно собирали несколько лет, указать на дверь.

- Ты чего в них так вцепилась и дерёшься, как будто тут твои личные интересы замешаны?
- раздражается Илья.

- А так и есть.

Просто я ещё не отошла от его измены в личном плане, теперь ещё в деловом. Потому что мы, как полноценные партнёры должны смотреть в одном направлении и слышать, и видеть друг друга.

Но Илья клал и на наши личные и, как выяснилось, на наши деловые отношения.

Дома Илья пытается меня обнять и успокоить привычным способом – через секс. Ему это всегда хорошо удавалось: загасить раздражение через постель.

Но я отбрыкиваюсь так активно и шлю его к чёрту, кажется, впервые в жизни отказывая в близости.

Какая близость!

Для меня он словно в грязи извалялся.

До сих пор перед глазами он и та брюнетка, и фантазии собственного воспалённого воображения.

Поэтому, когда он перед сном сообщает, что у нас завтра деловое мероприятие, и что там будут представители нашего нового партнёра, я лишь киваю и предлагаю ему лечь в другой комнате.

- Рина, ты с ума не сходи. Это моя спальня, я тут спать и буду.

- Ну тогда я уйду.

- Нет! Я тебя никуда не пущу! Иди в кровать!

Он встаёт возле двери, перегораживая мне путь. И смотрит сверху вниз со скрещёнными на груди руками. Свысока смотрит, гад. Словно имеет на это полное право.

Нет, я знала всегда, что есть в нём эта заносчивость, но она редко была направлена против меня.

Так что я отступаю. Потому что не хочу сейчас прорываться к выходу, вести себя, будто идиотка, и касаться этого мужчины в принципе.

Но и заснуть с ним в одной постели мне сложно, хотя Илья начинает храпеть почти сразу, как его голова касается подушки.

А я лежу долгое время без сна и судорожно соображаю, что мне делать.

Соколовский – единственный вариант.

Больше, увы, ничего мне в голову не приходит.

Следующим вечером мы едем в «Атриум-Плазу», в огромном зале которого проходит деловое мероприятие. Это рутинная, которую я люблю, способ пообщаться с коллегами, партнёрами, обрести новыми контактами и заполучить лояльных клиентов.

Но сегодня у меня всё валится из рук, а мысли сыплются из головы.

Едва ступаю на тротуар из машины, как моя небольшая прямоугольная сумочка летит под ноги.

- Чёрт, - бормочу себе под нос, шпилькой от туфли вгрызаясь с асфальт, и думаю, как элегантнее присесть, чтобы не завалиться в узкой длинной шёлковой юбке и на огромным каблуках.

Но едва хочу присесть, как крепкая сильная мужская рука с дорогим «Юбло» на запястье, меня опережает.

Перехватывает сумочку и отдаёт мне.

Всё происходит так неожиданно, что я успеваю сперва пробормотать «спасибо», а потом уже вскинуть голову и остолбенеть.

Соколовский собственной персоной.

- Здравствуй, Октябрина. Держи.

Он всегда ко мне на «ты», я всё-таки на него работала раньше. Он знает, кто я такая и чего стою.

И я знаю...

Вот и сейчас во рту у меня пересыхает, сложно сложить звуки в слова, и я бормочу сдавленное:

- Благодарю, Марк Леонидович, - тоже по привычке. Он всё-таки моим начальником был. А Соколовский на такое обращение усмехается и явно хочет что-то сказануть в ответ.

Может, и сказанул бы, если б не подошедший к нам в этот момент Илья.

- Добрый вечер, - смотрит на него с раздражением, конкурент всё-таки. – И ты здесь.

- Добрый вечер, - кивает Марк и уходит, больше ничего не добавляя.

Выше его достоинства.

Но прежде чем уйти окидывает меня таким взглядом, будто знает, что скоро у нас важный разговор.

Он будто чувствует, что я приползу к нему за помощью. А он сказанёт своё:

«Будешь мне ещё кофе носить. В постель. Голой».

И ведь буду, если понадобится.

Или не буду...

Или буду? Если вынудит?

И смотря на высокую фигуру этого статного опасного мужчины мне не по себе.

И дело не только в его ауре успешного бизнесмена, которой сложно противостоять. Но и в самом Соколовском. Он подавляет, завораживает, приводит в трепет.

Даже меня, много лет прожившей с другим мужчиной, но всё ещё помнящей вкус его поцелуя.

Невольно я подношу пальцы к губам и очень стараюсь не думать о том вечере в офисе, где я чуть не натворила бед, позволив Марку усадить меня на стол и развести мне колени.

Было так просто отпустить всё... но... я не отпустила.

Оттолкнула, убежала, холодно отчитала за несоблюдение субординации, сказанула что-то про харассмент. Короче, вспомнила всё.

И заработала себе злейшего врага.

Но враг мой до сих пор нет-нет, да и кинет такой взгляд, что по нему не сложно прочитать, что мы не доиграли. И ему очень... очень хочется доиграть.

- Соколовский тоже тут, гад, - выплёвывает Илья, высверливая спину Марка раздражённым взглядом.

- А ты думал, его тут не будет? Странно, с чего бы ему тут не быть.

- Да он везде, куда не плюнь. Денег хоть одним местом жуй, а всё мало. Мог бы успокоиться.

- Так мы тоже не бедствуем, - напоминаю Дурову, но тому, видать, хочется, чтобы Золотая антилопа скакала вечно, пока он не погрязнет под весом золотых монет. – Что такое? Боишься, что уведёт у нас твою драгоценную «Борисов-групп»?

Илья тут же усмехается. Сам он чуть не руки потирает довольно.

- Нет, этих он точно не уведёт, - произносит с каким-то пафосом и, беря меня пол локоть, ведёт к «Атриум-Плазе».

Народу здесь немного, все свои, можно сказать. Я киваю знакомым, обмениваюсь короткими приветствиями с теми, кто подходит. Илья пожимает руки и его разговоры – это всегда забалтывание. Он хорошо помнит все детали: от личных до деловым, в голове у Дурова просто настоящий секретер, где на каждого человека хранится досье. По полочкам, как говорится. Он и про личное поговорит, и про бизнес. Народу такое внимание нравится. Я не умею так всё тщательно запоминать, а Илья умеет, и это часто играет ему на руку.

Я принимаю бокал шампанского из его рук и делаю глоток, пока у нас пауза в разговоре. Скольжу взглядом по залу и... выплёвываю шампанского обратно в бокал, закашливаясь.

Потому что от шока, да-да от шока, вдохнула его в себя.

Пока Илья не особо вежливо хлопает меня по спине, я во все глаза смотрю на ту самую брюнетку, с которой он мне изменяет. Она уверенно, с кошачьей грацией и чувством превосходства, двигается в нашу с Дуровым сторону, повиснув на локте владельца «Борисов-групп».

Глава 7

- Давай, приходи в себя. Партнёры идут, - словно коуч со стажем, шепчет Дуров.

Я на него даже взглянуть не могу, всё внимание к брюнетке, чьи губы презрительно поджимаются, едва она бросает взгляд в мою сторону.

Стильная элегантная с лёгким налётом хабалистости. Видимо, в её мыслях Илья уже полностью принадлежит ей, бежит к ней, с руки ест у неё. И хвостиком, то есть члеником виляет.

Да забирайте, - хочется мне сказать. – Государство не обеднеет.

Но нет... обеднеет. Я обеднею, реально, если не приму какие-то срочные меры, чтобы сохранить то, что имею.

Дуров мигом становится ещё более противным.

Я не их тех, кто будет драться за «штаны». Нет. По мне так это мужчины должны добиваться женщину, а не наоборот. А девушки, живущие в нездоровых отношениях и проглатывающие обиды, нуждаются в поддержке и терапии.

Ну не по собственной же воле она в них остаётся? Всякое в жизни бывает. Обстоятельства разные.

Я никогда не говорю «я не понимаю, как могло такое произойти», потому что знаю, что судьба обязательно поставит тебя раком в подобную ситуацию, чтоб ты понял.

- Господи, Октябрина, возьми себя в руки. Уймись уже, - теряет Илья терпение. – Выбрала ты момент, чтобы подавиться.

- Прости, но я... - кашляю. – Его не выбирала.

- Тем более!

Илья подобострастно бросается к господину Борисову, в котором роста больше двух метров, он словно шкаф, возвышается над толпой – большой и тяжёлый. Илья активно жмёт ему руку, рискуя довести дело до вывиха запястья, практически сгибаясь пополам, а потом припадает к руке брюнетки в длительном приветственном поцелуе.

А меня тошнит.

В прямом смысле. Мутит... того и гляди вывернет на лакированные туфельки брюнетки, осмелившейся водить шуры-муры с моим мужем.

Не мужем, - шепчет внутренний голос, затем махает на меня рукой, будто я склеротичка со стажем. – *Не муж он тебе! Запомни.*

Да и в открывшихся обстоятельствах тут нечто большее, чем шуры-муры.

- Борисов Анатолий Николаевич в представлениях не нуждается, - продолжает расшаркиваться в реверансах Дуров.

Да, точно, не нуждается. Владелец крупного бизнеса, в областной Думе заседает, серьёзный во всех отношениях человек.

- А это Ирина, его племянница, долгое время училась в Штатах, на маркетинге, кажется, да? Во Флориде жила, а вот решила вернуться в родные пенаты, так сказать. Соскучилась по родине.

- Обожаю Питер, - трясёт она головой так, что длинные крупные серьги в ушах качаются, касаясь обнажённых плеч. – Восторг!

- Какая осведомлённость о жизни Ирины, - с приклеенной улыбкой не удерживаюсь от шпильки, смотря на девушку со словарным запасом Элочки-людоедочки.

Мрак! Жуть! Кр-р-расота!

Про себя же думаю: *как мило – Ирина и Ирина. Мама и любовница. И ведь не перепутать.*

Вообще эта Ирина чем-то напоминает Ирину Леонидовну. Та тоже миниатюрная брюнетка с пышными формами в юности, только волосы под каре, а у этой сейчас завёрнуты в сложную ракушку на затылке.

Ирина сияет белозубой улыбкой и южным флоридским ровным загаром. Грудь хочет выпрыгнуть из декольте, спружинив, видимо, прямо в лицо Дурову, потому что тот продолжает держать брюнетку за ладонь и рассыпаться в комплиментах то и дело, отбивая поклоны.

Конечно, теперь понятно, как он заполучил такого гиганта, как Борисов, на обслуживание.

Другой вопрос: это через постель в качестве карманного альфонса? Или... на какой-то более постоянной основе?

Сомневаюсь, что Анатолий Николаевич позволил бы племяннице скакать по постелям тридцати восьмилетних мужиков без всяких перспектив.

Так что... боюсь, за моей спиной уже что-то порешали, и итоги будут явно не в мою пользу.

Соколовский! – вопит сирена в моей голове. – Тебе нужен Соколовский.

Я начинаю дрожать от перспективы подойти сегодня к нему и обратиться с просьбой.

Он точно скажет: Ага... дождался, ну или ещё какую-нибудь колкость.

Придётся наступить на горло свободной песне и собственной гордости.

- Мы очень рады, что будем закрывать все ваши потребности, - тем временем продолжает лебезить Илья.

- Ну насчёт всех, сомневаюсь. У нас огромный оборот, - басит Борисов.

- Мы наймём новых сотрудников, расставим приоритетность проектов, расширим офис, если потребуется. Анатолий Николаевич, вы не переживайте, всё будет на моём личном контроле.

Борисов бросает взгляд в мою сторону.

- И на моём тоже, - спешу его заверить с натянутой улыбкой, а потом добавляю, наклонив голову: - Прошу извинить.

Чувствую себя в этом тесном кружке лишней. Эти трое уже всё порешали за моей спиной, а меня поставят перед фактом, что участие моё в предприятии закончено. Хорошо, если выходное пособие дадут.

Только я акционер! У меня целых тридцать процентов. Почему тридцать? Потому что мы начинали с ещё одним партнёром, но Михаил переехал с семьёй в Испанию несколько лет назад, и долю его выкупил Дуров. Миша почти не принимал участие в жизни фирмы, скорее, он был инвестором на начальном этапе, и само удалился от работы фирмы.

У Дурова ещё в начале пригорало, что у нас с ним на двоих шестьдесят процентов, а у Михаила – сорок. И как удачно всё сложилось, Илья взял его долю на себя, а я не предложила разделить поровну.

Дурочка... ой, дурочка... Как я себя сейчас за этой ругаю.

Выйдя из дамской комнаты, я застываю на краю зала, не решаясь вернуться к Илье и Борисовым, которые, видимо, вознамерились провести этот вечер вместе.

Голова кружится. Меня мутит. И колотит.

И я смотрю во все глаза на Илью и Ирину и думаю, что только идиот не заметит, что между этими двумя есть связь. Они ведут себя, как любовники. Трутся друг о друга то и дело, как любовники. Смеются в унисон, как любовники. И, кажется, вообще не хотят скрывать своих отношений.

Мне по-женски обидно.

Приходится сморгнуть набежавшие слёзы и шмыгнуть носом. И прикрыть на секунду глаза.

А когда я их открываю перед моим лицом идеально белая без единой заминки рубашка и тёмно-синий галстук в мелкую белую звёздочку.

Я уже знаю, кто закрыл мне обзор.

- Марк Леонидович?..

Коленки тут же превращаются в желе. Ведь это значит, что мне надо уже скоро начинать формулировать свою просьбу.

А я стою и робею.

И дышать не смею, потому что этот мужчина одним своим присутствием забирает остатки воздуха из моих лёгких.

Почему внутри всё горит? Почему? Почему я это чувствую? Странное желание сквозь страх и робость.

- Октябрина, почему руки пустые? - он вкладывает мне в ладонь бокал с шампанским.

Смотрю на фужер, приподнимая бровь. Соколовский, что, специально второй для меня захватил?

Потом перевожу взгляд на Марка и вижу около его плеча вдаль в туманной дымке от слёз, трио. Предатель и его новая семья?

Соколовский понимает, куда я смотрю, даже не оборачиваясь.

Он тянет правый уголок рта вверх, коротко цыкает, привлекая к себе внимание.

Я тону в его тёмном глубоком взгляде и смотрю, как двигаются растянутые в чувственной усмешке губы.

- Ну что, Октябрина? Но я другому отдана и буду век ему верна... мда... так? Всё верно помню? Что ж с другим и веком? Не срослось?

Глава 8

Слова режут по больному. Именно их я Соколовскому в лицо и бросила, когда вырвалась из его рук. Как бы отчитала, приструнила, пристыдила... Уходя, махнула хвостом, чувствуя себя в праведном гневе, даже мысленно себя похвалила, что тонко и остроумно его отшила.

Хотя внутри меня всё дрожало и вибрировало от напряжения и смущающего влечения. Но я знала, что мне нельзя, с ним нельзя.

А теперь, конечно, Соколовский не преминул эти слова мне же и вернуть.

- Не срслось, - выдавливаю из себя со злостью и осушаю бокал одним махом.

Марк разве что не присвистывает.

- Октябрина, ты бы поаккуратнее. Всё-таки алкоголь не компот.

Зыркаю на него недовольно.

- Знаю. Я сама разберусь.

- Сама? – спрашивает с интересом, а я смотрю на Соколовского внимательнее.

У него на лице такое выражение – будто он всё знает. Понимает, что происходит. Догадывается, что ощущаю я, и уже может предположить, что меня ждёт. Он всегда был хорошим стратегом. Просчитывал последствия заранее.

- Нет, не сама, - сдаюсь, качая головой. – Мне нужна ваша помощь.

- Твоя.

- Что? – вскидываю голову, которую опустила.

- Твоя помощь, не ваша... - улыбается Соколовский порочной улыбкой и ощупывает меня взглядом с головы до ног.

Прижимаю сумочку к себе, теребя мягкий край, и повожу плечами.

- А вы... ты можешь мне помочь?

- Смотри, в чём, но думаю, смогу, Октябрина, - произносит он моё имя с особым нажимом в голосе.

По телу снова проносится приятная дрожь предвкушения.

Но, чёрт возьми, это так не в тему.

Он когда-то мне очень нравился, а я тогда уже была с Дуровым. Естественно хорошая девочка во мне приказала хранить верность мужчине, с которым я жила, не смотреть на других, а влечение – это просто физическая реакция организма.

В конце концов, я же живой человек. Могу почувствовать притяжение, почему нет?

А Илья, живущий совершенно по иным понятиям, бьётся об заклад, обо мне даже не подумал, совокупляясь с брюнеткой.

Вот и вся разница между нами.

- Что у тебя случилось? Борисовы? – улыбается Марк одними лишь губами, но видно, что ситуация его забавляет.

- И они тоже, - я снова бросаю короткий взгляд на брюнетку. – Думаю, Илья может меня предать.

- Он уже тебя предал, - тут же говорит Марк.

И слышать эти слова, это правду от него вдвойне больней.

- Думаю, он может что-то сделать... я не знаю, что... Всё так запутанно, но мне бы хотелось понимать, какие самые плохие варианты развития события могут быть. Здесь не совсем удобно разговаривать, мы... мы можем встретиться завтра или послезавтра? Или, когда будет удобно? – смотрю на Соколовского и жду ответа, будто приговора.

И чувствую себя какой-то идиоткой, которая лепечет и двух слов связать не может.

Марк на мгновение задумывается, затем кивает.

- У меня завтра деловая встреча в центре. После двух я готов с тобой поговорить. Набери меня, я пришлю координаты.

Хочу спросить, а куда звонить, но предусмотрительный Соколов протягивает мне свою визитку со словами:

- Там есть второй номер, это на случай, если ты вдруг не знаешь, как вынуть мой основной номер из чёрного списка.

- Он не... - в чёрном списке, хочу я сказать.

Но Соколовский уже уходит, а я прячу его визитку в клатч и, распрямив плечи, возвращаюсь к Дурову и Борисову, чтобы оставаться в роли мебели на этом празднике жизни.

Когда мы с Ильёй возвращаемся домой, меня прорывает:

- Это очень некрасиво, Илья! – произношу, снимая серьги и бросая их на прикроватный столик в спальне.

- Что некрасиво? – спрашивает Дуров, ничего не понимая.

Его пальцы впиваются в узел галстука и тянут, ослабляя удавку.

- Ты весь вечер, будто рыба-прилипала, был возле Борисова. Со стороны это смотрелось странно.

- Почему странно? Он наш основной партнёр.

- Наш будущий основной партнёр, - исправляю я. – Контракт ещё не подписан. Или я чего-то не знаю?

- Контракт в процессе согласования, но это уже решённая сделка, так что моя заинтересованность Борисовым выглядит вполне логично.

Дуров стряхивает рубашку с плеч, а я отворачиваюсь, даже смотреть на него не могу. Но всё равно вижу его отражение в зеркальных дверцах шкафа.

Кажется, у него засос на плече. И, видимо, его это ни капли не смущает.

- А твоя заинтересованность его племянницей?

- А что с ней не так? – тут же напрягается, делая шаг ко мне, но я к нему не поворачиваюсь.

- Не знаю. Это ты мне скажи, что с ней не так. Вы ворковали весь вечер, будто два голубка.

В отражении вижу, как Илья запрокидывает голову и смеётся – резко и громко. И этот смех заставляет меня подпрыгнуть.

Я всё-таки поворачиваюсь и утыкаюсь взглядом в полуобнажённый мужской торс, который знаю от и до. Каждый сантиметр этого идеального тела. Брюки частично расстёгнуты, тёмная полоска волос от пупка уходит за пояс боксеров, и мне кричать охота от того, что всё это скоро будет принадлежать уже другой женщине.

Что Дуров предал меня и душой, и телом.

- Ревнуешь, Рина? Не стоит. Я тебя люблю, малышка.

Хмурюсь невольно. Как легко ложь срывается с губ Ильи.

Так ведь и раньше было?

Он подходит ближе, чтобы обнять, но я выставляю руки вперёд, пытаюсь его оттолкнуть, но Илья целует меня в шею и трётся всем телом о моё.

Боже... да он готов со мной переспать, только бы я успокоилась и не о чём не подозревала.

Хотя ему, наверное, всё равно.

Это мы, женщины, возносим чувственную любовь на пьедестал, а мужикам, по большому счёту всё равно.

По крайней мере, таким как Илья, уж точно.

- Не надо, - отталкиваю его, но он будто не слышит. Присосался к моей шее, рукой мнёт грудь. А у меня тошнота по горлу поднимается. – Не надо! – уже резче и твёрже говорю и отталкиваю сильнее.

- Рина, ну что за ерунда. Я хочу заняться любовью со своей женой.

- Я тебе не жена, - говорю, сузив глаза.
- Илья взмахивает руками, как бы говоря «да ё-маё!»
- Опять ты за своё.
- Да, опять, - цежу сквозь зубы. – Я в душ. И не трогай меня.
- А то хуже будет? – посмеиваясь, бросает мне в спину.
- Будет, - обещаю и захлопываю за собой дверь, закрывая на замок.

Глава 9

На следующий день я сижу за столом в офисе, а часы на экране компьютера и на телефоне, кажется, показывают одно и то же время, сколько бы на них не смотрела. Минуты тянутся невыносимо долго, как будто специально. Они словно насмеются над моим нетерпением.

Не могу сосредоточиться на работе. Мои мысли только о встрече с Соколовским. Как же трудно дождаться обеда!

- О, ты чего так вырядилась, - бросил с утра Илья, сидя на кухне с чашкой кофе, когда я вышла из спальни, застёгивая тонкий золотой браслетик на запястье.

- Вырядилась? – приподнимаю бровь. – Не понимаю, о чём ты.

Хотя нет... понимаю.

Я долго стояла у шкафа в задумчивости, решая, что же надеть. Несколько платьев были отвергнуты, пока я не остановилась на этом – белом, до колена, но не совсем деловом. Всё-таки вырез декольте в нём немного глубже, чем я обычно ношу.

Но платье красиво сидит по фигуре, и я чувствую себя в нём уверенно. А мне очень нужна сегодня уверенность!

- Красивая такая, - улыбается Илья, сглаживая резкость. Но меня его сглаживания вообще не трогают. – Привык, что ты всегда в деловом костюме.

- Ну не всегда, - вздыхаю.

- Но в основном да.

- Да, - резко отвечаю, а потом коротко бросаю: - Поехали.

- А утренний кофе, - кивает на вторую чашку, которую для меня сварил.

Смотрю на неё с подозрением. Вдруг чего подсыпал. Бред, конечно, не станет Илья меня травить. Изменник – да, но не преступник.

Как знать... как знать... - увещевает внутренний голос.

Лучше ничего из его рук брать не буду. На всякий случай!

- Не хочу, в офисе выпью.

- Моё вкуснее.

- Мой, - поправляю на автомате. – Спасибо, но я правда, сейчас не хочу.

Пока ехали до офиса, Илья с упоением вещал про Борисова и перспективы развития фирмы. Видимо, думал, я ахать и охать буду. Но я всю дорогу сидела с кислым лицом, поэтому, не получив нужного эффекта, Дуров сник.

- Ну похвали ты меня, Рина, ну ё-маё! – вякнул, прежде чем мы вышли из машины. – Я ж для нас стараюсь!

От этой наглой лжи меня передёргивает.

- Хвалю. Ты большой молодец, Ильюшенька, - с натянутой улыбкой произношу я.

- Слушай, ну что ты такая напряжённая, это ты из-за вчерашнего разговора? Я не хочу с тобой ссориться. Я тебя люблю. Ты моя жена.

- Всё нормально, но я не твоя жена.

Илья хватает меня за руку, когда я хочу отвернуться и уже пойти ко входу в офисное здание.

- Рин, опять ты за своё. Эти статусы ничего не значат. Ну хочешь, мы с тобой завтра в ЗАГС пойдём, заявление подадим.

Он это произносит с какой-то бравадой, а у самого глазки бегают. Это всё ради того, чтобы усыпить мою бдительность?

- А хочу, - выдаю я резко, и Илья моргает.

Не ожидал? Съел? Ну давай... включай заднюю...

Но Дуров не включает, спокойно говорит «хорошо».

А мне на ум приходит лишь название старого фильма: «обещать – не значит жениться». Вот у нас именно так и вышло.

И вот теперь, пока Дуров распинается на очередном совещании, которое я игнорирую, жду обеда и встречи с Соколовским с нетерпением.

Я пишу ему, спрашиваю, всё ли в силе, и он подтверждает, что да. Следом скидывает адрес, где будет ждать меня.

Наконец, решаю выйти пораньше. Всё равно голова забита чем угодно, только не работой. Работу я скидываю на плечи помощницы.

- Сделаешь? – с извиняющимся видом спрашиваю. – Я там задачу на почту прислала.

- В лучшем виде, Октябрина Валерьевна, - кивает Маша. – Уже видела ваше письмо.

- Спасибо, ты моя золотая.

И я выхожу из офиса, замечая, какая работа кипит вокруг. Да уж... навели Борисовы шороха.

У лифта сталкиваюсь с нашим юристом, мы быстро здороваемся, но Коротков таким странным взглядом смотрит на меня, что я невольно напрягаюсь.

- Работаем над контрактом в лучшем виде. Поверьте, учли все выгоды, - выдаёт он.

Но мне кажется, думает Коротков о чём-то другом, вовсе не о контракте.

- Молодцы, за юридический отдел я всегда спокойна, - с мягкой улыбкой отвечаю.

А у самой мурашки по спине ползут.

Что-то тут не чисто.

Коротков с Дуровым приятели с университета. Он у нас года четыре работает, вернулся из Москвы, и Илья его сразу подтянул. Мужик он нормальный, но... будет делать то, что Дуров скажет.

С юристами, я знаю, надо держать ухо востро.

Может ли Илья что-то за моей спиной уже с Коротковым проворачивать?

Может... - тут же приходит ответ. – *Ещё как может.*

На дрожащих ногах выхожу из лифта. И, идя по фойе первого этажа, в каждом знакомом лице ищу врага.

Мне фирма всегда казалась моим вторым домом, костяк коллектива не менялся годами, но... может, я в этом так же ошибалась, как в своих отношениях с Ильёй?

Всю дорогу до места встречи не могу расслабиться, коленки трясутся так, что мне кажется, я отплясываю джигу, пока такси бизнес-класса несёт меня вперёд.

Стараюсь глубоко дышать, но это не помогает. В голове крутятся разные варианты: как Соколовский меня встретит, что скажет, как я на все это отреагирую.

Чего он потребует взамен?

А чего ему требовать? – фыркаю про себя. – *Я так и приношу ему свою долю на блюдечке с голубой каёмочкой. Пусть кушает и не давится.*

Наконец, такси подъезжает к месту встречи, и волнение достигает пика. Я смотрю в зеркальце и стараюсь привести себя в порядок.

- Все будет хорошо, — шепчу я себе, хотя внутри всё сжимается от страха. – Хуже уже не может быть.

Я здесь раньше назначенного времени, поэтому прошу администратора посадить меня куда-нибудь в уголок и заказываю кофе, осознавая, что от нервов так ничего не пила и не ела с утра.

Усаживаюсь за стол, взглядом окидываю зал и... натываюсь на Соколовского. Он сидит за столиком в противоположном конце зала. Беседует с какой-то женщиной. Мне отсюда плохо видно, но ей, наверное, в районе сорока. Уверенная, ухоженная, смеётся на какие-то слова Марка.

А я прикусываю губу и думаю, вот тебе и деловая встреча. Почему я думала, что он встречается с кем-то мужского пола? Ума не приложу.

Я даже не знаю, женат ли Соколовский. Столько лет прошло... Но кольца я на пальце на заметила...

А тебе зачем это знать? – оживает внутренний голос. – Ты проблемы сюда пришла решать, а не личную жизнь. К тому же такие мужчины, как Марк, не заводят длительных отношений. Они либо меняют любовниц, либо женятся по расчёту.

Впрочем, Дуров тем же занимается.

Нет, Соколовский другой. Всё-таки неверно их сравнивать.

Марк, тем временем, поднимается следом за своей собеседницей. Берёт её руку в свои ладони, с теплом пожимает, они обмениваются улыбками и всё... расходятся.

Хм... неужели и, правда, всего лишь деловая встреча?

В этот момент звонит мой телефон. Я смотрю на экран, там Ирина Леонидовна улыбается мне с фотографии контакта. Я с того вечера её больше не слышала, и желания болтать с этой предательницей нет.

Что ж... стоило сразу понимать, что мать всегда будет на стороне сына. Покрывать, прикрывать, защищать, врать в его пользу.

Отбой и на беззвучный. Не до вас сейчас, мамочка.

Откладываю телефон и поднимаю взгляд.

И вздрагиваю, потому что Соколовский, конечно, обнаружил меня и идёт в мою сторону.

Перестань дрожать, - приказываю себе. – Это всего лишь разговор. Всего лишь встреча.

Но дрожь никак не унять. Она сама по себе возникает и не собирается никуда пропадать.

- Октябрина, здравствуй, - произносит подошедший Марк, и я вновь попадаю под власть его бархатного голоса.

И моя рука, оказавшаяся в плену ладони Соколовского получает короткий поцелуй.

Губы Марка, сухие и горячие, мимолётно прижимаются к коже. И новая порция мурашек покрывает моё тело.

Той он руку пожал, а не поцеловал, - думаю, - значит, там деловая встреча. А у нас? Не совсем деловая? Или как?

Соколовский наблюдает за моей реакцией, словно оценивает, на что я готова пойти, только бы получить его помощь?

Глава 10

- Ты обедала? – спрашивает Соколовский, когда мы садимся за столик.

Он ведёт себя подчёркнуто учтиво, но я знаю, что от него можно ожидать всего, чего угодно.

Я, у которой маковой росинки с утра во рту не было, отрицательно мотаю головой.

Готовая смотреть сейчас куда угодно, но только не на него, отвожу взгляд, делая вид, что разглядываю зал.

- Спасибо, но не хочу.

Однако Марк, подзывая официанта, заказывает для меня бизнес-ланч, а себе кофе, затем поясняет.

- Отказы не принимаются. На пустой желудок думается сложнее.

- А на сытый спать охота, - парирую.

- Тоже верно.

В его голосе нет самодовольства или превосходства, но это, думаю, до поры до времени.

Теперь мы смотрим друг на друга в упор, подмечая, что изменилось за прошедшие годы.

Соколовский всё такой же, только заматерел сильнее. Ему сейчас лет тридцать шесть, получается. Он, словно, дорогой коньяк, настоялся за минувшие годы, стал ещё более опьяняюще хорош и выразителен.

А я?..

А я уже не та наивная девчонка с принципами, но ума обезопасить себя не хватило.

Что бы я сказала себе самой «нескольколетней» давности?

Думай о будущем, Октябрина. Выходи замуж, составляй брачный контракт, бери расписки...

Но все мы сильны задним умом.

Когда любишь, доверяешь, и не всегда осознаёшь, какой фатальной может быть цена этого слепого доверия.

- Ну что у тебя случилось? – спрашивает Соколовский, когда мне приносят бизнес-ланч, и я успеваю умять салат, внезапно вкусный и сочный.

- Ты уже в курсе.

- Что Борисов работает с вами? Теперь, да.

- Будет работать, - поправляю.

- Нюансы, - отмахивается Марк. – Что-то беспокоит. Он чист, кристален и прозрачен. Правда, не совсем понимаю, на кой чёртему твоя фирма, когда у него самого огромный финансовый отдел и бухгалтерия в три этажа.

- Не справляются, всегда есть то, что можно передать на аутсорс.

У нас таких много – со своими финансовыми отделами. Однако, чтобы не плодить штатные единицы, ведь это всё затраты на зарплатный фонд и поиск сотрудников тоже занимает время, силы и деньги, такие фирмы обращаются к нам.

- Тоже верно, - кивает Соколовский.

И снова этот взгляд, тёмный и тяжёлый, проходится по мне с ног до головы.

- Только... - смотрю в сторону, смаргивая внезапно набежавшую слезу. – Только фирма скоро будет совсем уже не моя, - с трудом выталкиваю это признание из себя.

- И фирма тоже? Или только Илья?

- И фирма, - сквозь зубы цежу я.

Конечно, внимательный Соколовский ещё на вечере заметил, как Илья обхаживает Ирочку Борисову.

- Вот как? А чья же? Она записана на Дурова? Полностью? У вас долёвка, насколько помню?

Я тихонечко смеюсь с оттенком печали и безысходности.

- Изучил данные в реестре перед встречей?

- Ну глянул, ничего ли не поменялось. Пока, вроде, ничего.

- Ключевое слово – пока.

Я кратко, запинаясь, и еле сдерживая дрожь, которая грозит перерасти в конкретную такую тряску, рассказываю ему суть да дело.

- Я боюсь, что он меня выкинет, как отработанный материал. Сегодня столкнулась с нашим юристом, так странно себя вёл, взгляд прятал, что невольно закралась мысль: а уж не готовится ли против меня какая-то диверсия?

Я смеюсь в конце фразы, но Соколовский меня не поддерживает. Смотрит серьёзно и без тени усмешки.

- Правда, я не представляю, как у меня можно отобрать мою долю на законных основаниях.

- Если законных оснований нет, их создадут искусственно, - говорит Соколовский.

За столиком повисает тишина. А я кричать хочу от напряжения. Мне будто бы требуется услышать от него подтверждение собственной наивности.

- Ну давай, говори, что я идиотка. Я готова слушать. Дурочка, да? — произношу я, пытаюсь подшутить над собой, но в глубине души надеюсь на его поддержку.

- Ты не дурочка, Октябрина. Просто человек хороший, - ухмыляется Соколовский. – И то не всегда.

Мы оба знаем, о чём он. О той истории с «Гарант-медом» и «Барсом», которые ушли следом за мной. Они же стали первыми клиентами нашей с Ильёй фирмы. И до сих с нами.

- Ну а как я могла оставить... кинуть людей, с которыми работала, - снова пытаюсь оправдаться.

- Даже не начинай, - хмыкает Соколовский. – Это я всё уже слышал.

Затем смотрит на меня, и выражение его лица становится более серьёзным.

- Я подумаю до вечера, что можно сделать.

Я немного удивлена. Разговор, который казался таким напряжённым и важным, к которому я никак не могла подготовиться, вдруг заканчивается так неожиданно. Внутри меня возникает чувство недосказанности, словно мы упустили что-то важное. Или, может, я просто надеялась на другую реакцию?

О чём он подумает? Что придумает? Это поможет?

В любом случае, Соколовский ничего не потребовал взамен.

Пока... не потребовал, - говорит мой внутренний голос.

- Ты рано расслабляешься, — вторит ему Соколовский. — Самое интересное ещё впереди.

- Да уж... куда интереснее...

Его слова заставляют меня насторожиться. Я смотрю на него с любопытством и опасением

- А что ты имеешь в виду? — спрашиваю я, не в силах скрыть своё волнение.

Он улыбается, и эта улыбка полна загадок, а слова обещаний, от которых по моему телу снова прокатывается приятный трепет.

- Это я тебе в следующую нашу встречу расскажу, — отвечает он, поднимая бровь и откидываясь на спинку стула.

Я чувствую, как в воздухе становится жарче, когда Марк, сидя напротив, фиксирует на мне свой взгляд. Скрытая страсть в его глазах словно прожигают меня насквозь. Я сижу, не

шелохнувшись, не могу отвернуться, хотя внутри меня разгорается волна смущения и волнения.

Газа Соколовского — глубокие и темные, как бездонный океан, в котором таится множество тайн. Я вижу, как они сверкают, когда он смотрит на меня, и в этом взгляде есть что-то захватывающее, что заставляет моё сердце биться быстрее. Его внимание обжигает, и в этот момент я думаю, что вляпалась сильнее, чем думаю.

В конце концов остаёмся только мы двое и бесконечное напряжение, которое витает в воздухе.

Вечером Соколовский присылает ко мне курьера. Мне приходится выйти из дома под предлогом прогулки, чтобы пересечься с ним и забрать флешку.

- Вставь её в идеале в компьютер Дурова. Если нет возможности, в свой. И запусти программу. Она сама соберёт все данные. Так мы точно узнаем, что он готовит, - даёт указания Марк по телефону.

- Наверяд ли Илья что-то хранит на работе...

- Поверь мне. Именно на работе он *это* и хранит.

Глава 11

Следующим утром я сижу за столом в своем офисе, руки трясутся от волнения, перемешанного с нетерпением. Бесполезно заставлять себя сосредоточиться на работе, мысли постоянно возвращаются к тому, что мне предстоит сделать. Сердце колотится так, будто хочет разогнаться на максимум и остановиться.

Я решаю не рисковать и не идти в кабинет Ильи. Моя решимость укрепляется, когда я вспоминаю, как он предал моё доверие и продолжает его предавать и дальше.

Честный человек сказал бы как есть. Не стал бы играть в этот фарс. А Илья врёт, изворачивается, сочиняет!

Достаю флешку, которую мне передал курьер Соколовского, и, глубоко вдохнув, вставляю её в компьютер.

Внутри меня идёт нешуточная борьба: страх и решимость смешиваются в одно целое. Следуя полученной от Марка инструкции, запускаю программу и, еле дыша, ожидаю, что не смертоносный, но очень опасный вирус начнет расползаться по нашей сети.

Что если я зря доверилась Соколовскому?— мелькает мысль.

На этой флешке ведь может быть всё, что угодно. Вместе с документами Дурова Марк получает доступ к сотням других конфиденциальных файлов, составляющий коммерческую тайну компании. Да я просто принесла ему информацию на блюдечке с голубой каёмочкой. Он, наверное, сейчас пьёт за моё здоровье с друзьями, рассказывая, какую на всё согласную испуганную идиотку он поймал.

Но мне всё равно. Я решила идти до конца. Я должна отстоять свои интересы любым путём.

Илья никогда не думал обо мне. Зачем вообще мы жили, как муж и жена?

Ему было удобно... - вот и ответ.

Но он предал меня, не моргнув и глазом, и теперь я готова сделать всё, чтобы он заплатил за свои поступки.

Предатель и изменник,— думаю я с ненавистью, глядя на экран, где уже начинают появляться строки кода. – *Гори в аду со своими Борисовыми.*

Внутри меня растёт ощущение справедливости. Я всё делаю правильно. Это не просто месть — это необходимость восстановить баланс, вернуть себе то, что у меня украли.

Да я очень рискую, но в этот момент мне всё равно. Я не могу позволить сомнению разъесть меня изнутри. Это моя жизнь, моё будущее, и я не собираюсь отступать. Илья заслуживает всего, что упадёт на его голову.

Улыбаясь, я ощущаю холодное спокойствие, охватывающее меня. Время действовать. И время поменьше думать о Дурове. Надо думать о себе!

Два дня спустя, которые тянулись, как вечность, я подъезжаю к элитному жилому комплексу на Петровском острове, и сердце замирает от страха и нетерпения.

Всё это время я была, как на иголках. Было сложно вести себя с Ильёй, как обычно. Было страшно, что вредоносную программу, которую я запустила с флешки, обнаружат, и Айти отдел укажет, с какого компьютера вирус попал в сеть фирмы. Что за мной придёт служба безопасности, и я буду жалеть, что не приложила максимум усилий, чтобы повернуть операцию с компьютера Дурова.

Но всё было тихо.

Захлопнув дверцу машину, я замираю, вытираю вспотевшие ладони о платье, и разглядываю дом.

Это место выглядит очень дорого и недоступно. Сколько здесь стоит метр? Больше миллиона, это точно.

Небо окрашено в яркие оттенки оранжевого и розового, солнце опускается в тучу. Сегодня потрясающий закат, и с набережной, открытой всем ветрам, вид на него просто ошеломительный.

Марк позвонил днём, попросил подъехать. Я была готова мчаться к нему в ту же секунду, сгорая от нетерпения узнать, что ему удалось выяснить о планах Ильи.

Но Соколовский в своей привычной манере назначил и место, и время. Так что ещё несколько часов я провела, медленно сходя с ума.

Волнение достигает максимума, когда я вхожу в здание. Здесь строгие правила: проход только по записи и приглашению. Я подхожу к стойке охраны, которая находит моё имя в списках.

Девушка в лобби просит меня пройти к лифту и подняться на седьмой этаж. Я благодарю её и, чувствуя, как адреналин бьёт по пульсу и вискам, направляюсь к лифту. Когда двери закрываются, смотрю на отражение своего лица в зеркале и пытаюсь успокоить себя.

Наверху меня ждёт открытая дверь в пентхауз Соколовского. А за ней – сам хозяин. Он стоит у окна, держа в руках низкий бокал с алкоголем, и, кажется, наслаждается видом на закат.

- Октябрина, — произносит он, оборачиваясь ко мне с лёгкой улыбкой.

Марк почти всегда обращается ко мне по полному имени. Илья же редко его использует. Только на работе.

Не дожидаясь, пока он заговорит, я начинаю задавать вопросы, они вылетают из моего рта, как пули из пулемёта:

- Что-то обнаружили? Удалось найти информацию? У тебя есть понимание, что делать дальше? Как вообще мои дела? Плохи? Что дальше будет?

Вопросы вырываются один за другим.

Соколовский не спешит отвечать. Вместо этого он подходит ко мне со спины, кладёт ладони на мои плечи и шепчет:

- Октябрина... ш-ш-ш... я рад, что ты пришла. Нам есть, что обсудить.

Его руки разворачивают меня лицом к нему, и я замираю, наткнувшись на его жадный взгляд.

Глава 12

Я замираю рядом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.